

Фан Цзычэнь во что бы то ни стало решил покрасоваться перед Чжао-гэром. Он подхватил по тюку под каждую мышку — не будь это так неудобно, он бы и третий на макушку водрузил, подражая индийским циркачам.

Сделав несколько ходок туда-обратно, он издалека крикнул Чжао-гэру:

— Видал? Видал?!

Его самодовольство было настолько очевидным, что супруг лишь поджал губы и отвернулся, делая вид, что не замечает его. Зато Гуай-цзай оказался благодарным зрителем. Мальчик захопал в ладоши и весело закричал:

— Отец сильный! Отец сильный!

Фан Цзычэнь остался крайне доволен собой.

В полдень Чжао-гэр принёс несколько булочек маньтоу. Когда смена закончилась, все трое укрылись в тени у борта судна, чтобы передохнуть. Чжао-гэр с сыном уплетали маньтоу с таким аппетитом, а их глаза сияли так ярко, будто перед ними были не простые булочки, а изысканные деликатесы из куриных потрошков. Фан Цзычэнь и сам был голоден, но, глядя на них, он вдруг почувствовал в груди щемящую горечь.

Ему невольно вспомнился первый день в этом доме. Чжао-гэр тогда указал на корзину с дикими травами и сказал, что они с малышом могут питаться этим. Юноша вспомнил застарелые шрамы на руках фулана, которые случайно увидел. Вспомнил, как тот трудился в поле под палящим, изнуряющим солнцем, обливаясь потом ради нескольких клубней батата.

Цзычэнь понимал: Чжао-гэр вовсе не был глуп и признавал, что тётушка Хэ под видом помощи лишь помыкает им. Но груз лишений и несправедливость жизни согнули его спину, лишив гордости. Ему приходилось притворяться непонимающим, подавлять обиду и не сметь пререкаться — ведь у него не было на это ни права, ни сил. За каждую кроху милосердия, упавшую с чужого стола, бедняге приходилось благодарить, стоя на коленях.

И Гуай-цзай... совсем кроха, а уже целыми днями то в горах, то в поле за папой. В таком возрасте другие дети — сокровища для своих семей, а он — придорожная трава. Они жили такой жизнью, которую Фан Цзычэнь не мог даже вообразить. Их прошлое было настолько суровым, что теперь две обычные булочки казались им пределом мечтаний.

Заметив, что муж замер, откусив всего пару раз, Чжао-гэр с тревогой осмотрел его:

— Почему ты не ешь? Устал сильно? Или от жажды кусок в горло не лезет?

Он выпалил все вопросы разом. Фан Цзычэнь и сам не знал, почему пропал аппетит — то ли от усталости, то ли от чего-то иного. Сжав в руке булочку, которая уже не казалась такой мягкой, он вдруг захотел спросить: «Тяжело ли тебе было раньше? Думал ли ты когда-нибудь всё бросить? Неужели теперь ты и впрямь доволен такой жизнью?»

Вопросов было много, но он вовремя прикусил язык. Чжао-гэр сейчас был счастлив, так зачем беречь его раны, гадая, затянулись они или нет? В итоге мужчина лишь тихо произнёс:

— В горле пересохло.

— Тогда я пойду и куплю тебе чашку каши! — всполошился гэр.

— Не нужно, — Фан Цзычэнь удержал его за руку. — Попрошу воды у управляющего, этого хватит. Вам с сыном принести?

Чжао-гэр взглянул на мальчика и кивнул.

На пристани грузчиков кормить не полагалось, но вода всегда была в достатке. Управляющий оказался человеком понимающим и давал работникам полчаса на отдых в полдень. Поскольку Фан Цзычэнь поднялся ни свет ни заря, он, обняв Гуай-цзая и прислонившись к борту, вскоре задремал.

Управляющий в это время отдыхал в лавке неподалёку. Хозяин лавки, его дальний родственник, благодаря этим связям и смог обосноваться на пристани. Прислонившись к косяку двери, торговец вдруг рассмеялся, заметив что-то любопытное:

— Гляди-ка, сын уже вон какой большой, а эти двое всё никак не налюбуются друг на друга.

— Ты о ком? — отозвался управляющий.

— Да сам посмотри, — кузен указал в сторону пристани. — Вон тот высокий и худющий парень, которого ты вчера взял. Ну и силища у него, мешки таскает — загляденье. Да и с супругом ему повезло. Не то что моя благоверная... Тьфу! Шесть лет в браке, а зыркает на меня теперь, как бык на красную тряпку. Кабы я на службу ушёл, она бы через пару лет уже в третий раз замуж выскочила.

Собеседник лишь усмехнулся, не желая развивать тему. Он сел на пороге и издали увидел, как Чжао-гэр ладонью обмахивает спящего Фан Цзычэня, создавая ветерок. Видимо, прислонившись к дереву, спать тому было не слишком удобно, и гэр осторожно устроил его голову у себя на коленях.

Даже издали было видно, с какой нежностью юноша смотрит на своего мужчину, словно стараясь запечатлеть в памяти каждую черточку его лица. Во взгляде светилась мягкая,

искренняя любовь.

У Чжао-гэра было круглое лицо и большие глаза — незнакомому человеку он сразу казался тихим и покладистым. Фан Цзычэнь же был соткан из противоречий. Когда он улыбался, то выглядел милым малым, но стоило ему замолчать или если что-то шло не по нраву, на лице тут же проступал гонор. Сразу видно — балованное дитя, характер добрый, но вспыльчивый. Да и язык у него был подвешен на славу: поработал всего полдня, а уже со всеми грузчиками на пристани сдружился.

Управляющему казалось, что стоит кошельку этого парня хоть немного потяжелеть, и он вскоре приведёт Чжао-гэру в дом наложников или наложниц в качестве «братьев» и «сестёр». Понаблюдав ещё немного, он протянул:

— И впрямь, повезло парню.

— А то нет? — торговец нахмурился, глядя на семейство. — Мальчишка этот на деревенского не похож, да и молод совсем. Вон тот малец, что у него на животе спит, хоть и кроха, а года два-три ему точно есть. Видать, рано женился, шельмец, не терпелось ему.

— Тебе-то какое дело? — осадил его управляющий. — Мы их знать не знаем.

— Да я просто гэра этого жалею, — торговец снова хохотнул. — А пацан этот — уникам. Фулан на него смотрит так, что скоро дыру прожжёт, а он дрыхнет как сурок.

Приближалось время возновления работ, и люди начали потихоньку возвращаться. Большинство из них жили далеко и устраивались вздремнуть где придётся, а местные уходили домой.

Шум и голоса ворвались в сон Фан Цзычэня. Он хотел перевернуться на другой бок, но вовремя вспомнил, где находится, и замер. Разомкнув веки, он встретился взглядом с Чжао-гэром, который не успел отвести глаза.

Цзычэнь моргнул. Лицо супруга густо покраснело, в глазах мелькнуло замешательство. Юноша изо всех сил старался не отворачиваться:

— Проснулся? Скоро за работу.

— Угу... — Фан ощущал затылком мягкость его колен, а щекой чувствовал тепло живота.

В горле пересохло. Солнце, казалось, жарило ещё сильнее, чем в полдень. Мужчине стало невыносимо жарко, кровь ударила в голову, а сердце пустилось вскачь.

Этот взгляд Чжао-гэра... Он не был для него в новинку. Напротив, он видел такой взгляд сотни раз.

Когда он учился в своём мире, то постоянно перескакивал через классы. Пока сверстникам было по шестнадцать, ему — едва двенадцать. В школе ему никто не признавался в любви. Ситуация изменилась в университете. Тамошние девушки были смелыми и пылкими, некоторые из них не видели преград в разнице в возрасте. Фан Цзычэнь был хорош собой, отлично учился, да и в шестнадцать уже не считался ребёнком. Признаний было немало. Особенно когда его приемные родители приехали на спортивный праздник на роскошном авто, или когда в сети всплыло его фото в сшитом на заказ чёрном костюме. Девушки буквально липли к нему: кто-то из-за статуса родителей, а кто-то — искренне увлекшись им самим.

Их взгляды тогда были точно такими же, как сейчас у Чжао-гэра — полными нескрываемой, невольной любви.

Но неужели Чжао-гэр в него влюбился?

Фан Цзычэнь никак не мог этого понять. Он не сомневался в чувствах юноши, но они ведь были знакомы всего три-четыре дня. Разве этого достаточно, чтобы вспыхнула любовь? Или это была любовь с первого взгляда?

Чжао-гэр был добр к нему, послушен... Фан раньше не задумывался об этом, списывая всё на обычаи этих мест. Мол, раз вышел замуж, то неважно, любишь или нет — будь кротким, работающим и старайся угодить мужу, чтобы выжить.

Но если это любовь с первого взгляда... Что ж, вполне возможно. В конце концов, он чертовски красив и добр душой. Влюбиться в такого — дело естественное.

Теперь, когда они вместе, он хоть и планировал сначала относиться к нему как к брату, но если тот так сильно в него влюблён... Вчера он всего лишь немного задержался, а Чжао-гэр уже рыдал у дороги. Видно, любит его до беспамятства и жизни без него не мыслит. Гэр такой бедняга, да и лицом недурен, послушный, ласковый... Ну... почему бы и не попробовать?

Раз уж он проспал всё обеденное время у него на коленях, промолчать было бы свинством. Но говорить «спасибо» при их нынешних отношениях в стиле «ты тайно меня любишь, а я, пожалуй, дам нам шанс» было бы слишком официально.

— У тебя такие мягкие колени. Очень удобно, — пробормотал Цзычэнь чуть охрипшим голосом.

Чжао-гэр лишь ошеломлённо молчал.

Ему показалось, что кровь, которая застоялась в затекших ногах, сначала превратилась в лёд, а после этой фразы вдруг вскипела, стремительным потоком разливаясь по телу. В кончиках

пальцев закололо, а всё естество наполнилось истомой.

Опять этот человек говорит бог знает что.

— Тебе... тебе пора вставать.

— Угу! — Фан подхватил спящего на груди Гуай-цзая и передал его в руки Чжао-гэру. Затем отвязал кошелёк и протянул ему: — После обеда станет прохладнее, возьми сына и погуляй по городу. Посмотри, чего в доме не хватает, купи самое необходимое. С остальным подождём, пока больших денег не заработаю.

— Хорошо, я понял, — ответил юноша.

— Ты ведь знаешь дорогу? — улыбнулся Цзычэнь. — Смотри за сыном в оба, чтобы его сахаром не сманили. Мне на него ещё в старости надеяться!

Ближе к вечеру Чжао-гэр с сыном отправились гулять. Вернулись они как раз к окончанию смены.

В корзине лежало немного риса и муки — ничего особенного. Фан Цзычэнь не мог понять: как на покупку такой мелочи можно было потратить целый день?

По дороге домой Чжао-гэр вернул ему кошелёк и начал долго рассказывать о ценах. Тут-то Фан и понял: оказывается, всё это время супруг ходил от лавки к лавке, сравнивая, где дешевле. А он-то переживал, думал, их и впрямь украли!

— Ты настоящий хозяин! — похвалил его Цзычэнь. — Семья Ма потеряла сокровище, когда отпустила тебя.

— Вовсе нет, — возразил Чжао-гэр.

— М?

— Они выманили у тебя целых три лян серебра, — понурился юноша. — Я не стою таких денег!

— Глупости! — Цзычэнь взял его за руку и строго прикрикнул: — Я сказал, что они в убытке, значит, так оно и есть. И не вздумай спорить!

— Но это же правда... Я слышал, у работорговцев молоденькие девушки из чистых семей стоят не больше трёх лянов. А я...

Дикость феодальных пережитков в действии.

— Замолчи. Ещё слово — и по попе получишь!

Чжао-гэр лишь смущённо опустил голову, не смея больше спорить.

<http://bllate.org/book/15357/1416958>